

Глава 9

БЕДА НЕ ПО ЛЕСУ ХОДИЛА, А ПО ЛЮДЯМ

Эпизоды войны

Всё минётся, одна правда останётся.
Поговорка

Закончилось моё повествование об отряде. Но «за кадром» остались отдельные эпизоды партизанской жизни, которые не вписывались в ту или иную главу, или, будучи включенными, могли рассеять саму главу. «А что, если потом собрать все такие эпизоды

в отдельную главу?!» – однажды возникла и затаилась в подсознании такая мысль.

«ПРОШУ ПРИНЯТЬ В ПАРТИЗАНЫ...»

Фёдора Савончика, молодого парня из деревни Римовцы, в отряд повели со связанными руками: так он сам просил партизан (точнее, своего школьного товарища Володю Кожича), дабы полицаи не преследовали его родных. Пришел, и тут же написал: «*Прошу принять...*» А через некоторое время и отец Федора, одно время пытавшийся найти что-то хорошее в новой власти (уж больно не нравились ему колхозы), стал бойцом отряда (и вскоре погиб).

А в нижеприведенном «заявлении» так и слышится крик души пострадавшего человека.

*Начальнику штаба бригады
от гр-ки Шудра Зинаиды,
проживающей в дерев. Крюковщина.*

Заявление

Я, Шудра Зинаида, прошу нач. штаба бригады принять меня в партизанский отряд членом отряда. Так как в дальнейшем я не могу жить в деревне. Когда я жила в городе Бобруйске, тогда все видели, что я делала всё, что могла, в пользу Родины. А сейчас я прибыла со своей семьей в дер. Крюковщину и осталась здесь на произвол судьбы. Нет ни питания, ни чево. Храпко тогда обещал золотые горы, а сейчас и в глаза не показывается.

Поэтому я прошу Вас, чтобы Вы посодействовали моей просьбе, и прикрепили к отряду. Сейчас у меня покуда оружия нет. Но в скором я достану оружие.

А при настоящей обстановке жить мне в деревне опасно.

Ибо если я попаду в руки фашистов, то со мной будет такова расправа, как и с партизаном.

И еще раз прошу Вас не отказать моей просьбы.

Проситель (подпись) 3 июля 1943 года¹

Но бывали и случаи обратного свойства. Вот как этот.

7 июня 1943 г. группа партизан во главе с Савелием Тарасовым была направлена в район деревень Козаково и Вишневка в разведку. Один из местных жителей сообщил Тарасову, что у него в доме прячется человек, который ищет встречи с партизанами, — хочет вступить в отряд. Вообще-то, обычная история: именно таким образом многие новички-одиночки попадали в отряд.

В штабе отряда Лис, такова была фамилия «новичка», рассказал о себе, что он польский еврей, что бежал из немецкого лагеря, и вот — сохранились семейные фотографии.

В ходе допроса Лис, во-первых, оговорился, что пешком за два дня одолел расстояние от Гомеля до Бобруйска, что было нереальным, и, во-вторых, не смог описать места, через которые он якобы проходил. Это насторожило отрядного чекиста.

Лиса передали в группу НКВД — «отряд Игоря» — и там отыскивали истину. Оказалось, Лис действительно польский ев-

¹ НАРБ, ф. 1405, оп.1, д.265, л. 11.

рей, но... был подготовлен в Варшавской школе гестапо и оттуда вместе с еще двумя агентами направлен в Бобруйск с целью последующего проникновения в партизанские отряды. И теперь он выполняет это «проникновение». Но нашла коса на камень.

Хотя Лису и была обещана жизнь за правдивую информацию, его всё-таки расстреляли. А соседние отряды были предупреждены о возможных «гостях» – спутниках Лиса.

Так что не пришлось фашистскому агенту писать заявление с просьбой принять в партизаны.

«РАССТРЕЛ»

Тут справедливости не требуй:
Война не время рассуждать.
Не выполнить приказ нелепый
Страшнее, чем его отдать...
Ю. Поляков

На первой послевоенной встрече ветеранов-партизан в 1969 году Иван Ильич Каменев, шофер станции Брожа, увидев своего бывшего командира, набросился на него с кулаками: *«Ты за что, за что меня тогда расстрелял?!»*

И только настоятельные просьбы товарищей не портить такой большой для всех праздник остудили Каменева. Они, его соратники, сказали ему: «Ваня! То была война. На войне всякое бывало. И не только с тобой».

...Случилось это в морозную ночь в конце февраля 1943 года. Отряд тогда стоял в Зубаревичах.

Дежурный по отряду политрук роты Владимир Дорогавцев и начальник караула командир взвода Александр Шуев только что вернулись в караульное помещение после проверки постов. Там, на постах, всё было в порядке – часовые бдительны, обстановка спокойная... Вот только мороз обжигает лицо, спасу нет.

Вдруг в караулку врывается Василий Пузырёв с возгласом: «Он сбежал!»

– Кто?! – в один голос воскликнули Дорогавцев и Шуев.

– Каменев!.. Его командир расстрелял... Мы копали яму – закопать убитого. А он... он оказался живым! И вот – сбежал!

Дорогавцев и Шуев быстрыми шагами направились в штабную избу.

В штабе тускло горела керосинка. За столом сидели командир бригады Коновалов, командир отряда Храпко, комиссар отряда Голодов и начальник штаба отряда Сырковашин.

Узнав о ЧП, Храпко вскочил с места:

– Всё! Надо срочно менять дислокацию штаба и, может быть, всего отряда. Каменев – это же предатель!

И больше никаких разъяснений для Дорогавцева и Шуева не последовало. Очевидным было то, что решение о расстреле принимали именно здесь, в штабе, и совсем недавно, быть может, часа два назад.

А события развивались так. Накануне командир отряда отправлял Ивана Каменева с группой на задание. Иван, выслушав суть задания, нашёл необходимым возразить:

– Вы отправляете нас на верную гибель! Ни данных разведки об обстановке на месте операции, ни должного вооружения, ни экипировки (не было белых маскхалатов).

– Да ты еще и трус! – возмутился командир отряда. – Ах, да что я с тобой разговариваю! Ты же «окруженец»! Откуда к нам ты пришёл, мне теперь ясно. Оттуда, от них, власовцев! Иль от самих немцев?

...Храпко и раньше делал замечания строитивому командиру взвода, но они, как казалось Ивану, больше были похожи на придирки, особенно после того, как командир увидел на Иване кожаный лётный реглан. «Такую обмундировку вообще-то следовало носить командиру отряда, – намекнул Храпко. – А мы тебе подыщем что-нибудь другое». Однако Иван, человек с крепким мужицким стержнем в характере, к такому «толстому» намёку остался глух.

Каменев не сдержался:

– Вы сами трус! Вы... вы бережёте себя как знамя!

Через полчаса после этой, мягко говоря, размолвки командира и подчиненного, Каменева вызывают в штаб.

Комбриг Коновалов разъясняет бойцу:

– Командир, Каменев, как раз и должен быть своего рода знаменем войсковой части, отряда. И его, как знамя, должны беречь все бойцы, в том числе и вы, Каменев! Видели «Чапаева»? Помните, как Чапаев учил: «Где должен быть командир?» И если ваш командир бережёт себя, так для того, чтобы сберечь

весь отряд, в том числе и вас, Каменев! Жаль, что именно вам, командиру взвода, офицеру Красной Армии,² приходится это разъяснять.

Далее следуют обвинения: вы, Каменев, систематически нарушаете воинскую дисциплину, не выполняете приказы командира отряда, подрываете его авторитет.

Что Каменев тут же подтверждает:

– Да. Он собрал людей – это его большая заслуга. Но командовать отрядом он не должен: в нём нет ничего командирского.

Вот уж этого – дискредитацию командира, комбриг Коновалов допустить не мог. (Так же как и комиссар Голодов, который аж с места приподнялся, сжимая кулаки.)

– Выйди, – уже «на ты», приказал Каменеву Коновалов.

Вышел Иван на крыльцо, в темноту. Постоял немного, раздумывая над тем, что произошло. И вдруг почувствовал, что он уже не один. Краспком глаза успел в лунном свете различить Храпко – тот стоял с пистолетом в руке.

Смекнул Иван, для чего это... дёрнулся в сторону.

Раздался выстрел. Каменев был контужен этим выстрелом и упал без сознания...

Тут же последовали ещё три выстрела: в темноте Храпко стрелял в белую кубанку Ивана, что свалилась при падении, приняв её за лицо.

Командир отделения Иван Баглай с бойцами Василием Пузырёвым и Павлом Михлюком положили Каменева на телегу, сняли сапоги и раздели до нижнего белья. А потом почти час искали (в темноте) инструмент, чтобы выкопать яму-могилу. Наконец, всё готово, повезли Ивана в сторону реки Птичь.

Приехали. Михлюк прикоснулся к телу Каменева: еще теплый. «Жаль парня: отчаянный и смелый был...»

Оставили винтовки возле телеги, взяли лом, лопаты и стали яму копать...

Пузырёв, в очередной раз ударив ломом о землю, случайно глянул в сторону телеги...

– Хлопцы!

² Каменев Иван Ильич – 25 лет, лейтенант кавалерии РККА, в отряд Храпко прибыл 10 ноября 1942 г.

Баглай и Михлюк повернулись в сторону, куда смотрел Пузырёв и увидели... стоящего во весь рост Каменева, в белом нижнем белье.

Схватил «покойник» винтовку, клацнул затвором.

Парни бросились наутёк.

А Каменев лихорадочно оделся (снятая с него одежда лежала тут же, на телеге), вскинул одну винтовку-десятизарядку через плечо, две винтовки положил на телегу, лошадь привязал к дереву, и поспешно удалился с этого страшного места.

6-го марта 1943 года Храпко издал приказ, где была такая строка:

«На место расстрелянного командира 2-го взвода 2-й роты Каменева назначить Перельгина Константина».

А «расстрелянный» объявился в деревне Устерхи, в отряде Матвея Сезика («отряд Митьки»). Рассказал Матвеем Петровичем о своей трагедии. Тот принял Ивана в свой отряд, ибо уж кого-кого, а Каменева – командира взвода у Храпко – партизана, побывавшего во многих переделках, спустившего пять эшелонов под откос, знали во всех отрядах бригады.

Отстоял Сезик Каменева перед комбригом Коноваловым. А на замечание Храпко: «Он ещё себя покажет», – смолчал.

Иван Ильич Каменев действительно себя показал! В отряде Сезика боец спустил под откос ещё 2 вражеских эшелона и, командуя взводом, в сентябре 1943 г. разгромил полицейский гарнизон в Горбацевичах – уничтожил 14 и привел в отряд 7 полицейских, принёс трофеи: 2 ручных пулемета и 17 винтовок. Но ни одной награды не получил отважный партизан. Хотя я сам видел в одном документе бригадного архива при фамилии Каменева приписку: *«Представлен к ордену Красной Звезды».*

БЕРЕЧЬ ПАТРОНЫ!

Специфика партизанской борьбы – ведение боевых действий в тылу врага. То есть при полном окружении (в том числе и с воздуха), без четкой линии фронта, без флангов и тыла в их привычном понимании, без централизованного снабжения оружием, боеприпасами, одеждой и продовольствием.

Оружие добывали в бою. Но какое оружие при этом попадало? Оккупационные войска и полиция были вооружены винтовками, причем, разного производства: норвежского, румын-

ского, бельгийского, немецкого... Патроны от одной винтовки не подошли к другой. И в руках партизан оказывались винтовки с боекомплектом, что остался после боя. А где брать ещё патроны, много патронов?

Затянься немного бой, и партизан, расстрелявших весь боезапас, можно брать голыми руками.

И теперь читатель может как-то понять командира отряда, когда тот после боя приказывает расстрелять захваченных фашистских головорезов или их приспешников – полицейев и «добровольцев», – а затем вдруг поправляется: **«Но нет патронов на них. Заколоть!»**

И закалывали.

Был случай, когда один партизан заколол одного за другим сразу четверых полицейев, приговоренных к расстрелу. Вот что рассказал ветеран-партизан Федор Дмитриевич Савончик:

«Привели в лагерь полицейев после разгрома гарнизона в Стасевке. Несколько человек тут же получили оружие и стали в наш строй – они были там, в полиции, по заданию командования отряда. Несколько человек отпустили домой – доказано, что не по своей воле оказались в полиции, да и возраст (слишком молод или слишком стар) – смягчает меру наказания.

С остальными разговор короткий.

Стоит отряд. Напротив – пять полицейев. Командир отряда приказывает расстрелять их, но тут же поправляется:

– Нет у нас на них, таких, патронов. Может, заколем их? Кто будет кончать?

Молчание нарушил боец Селезнев:

– Я! Я буду их кончать!

У него старые счеты с полицейями.

Приказывает полицейю ложиться. И четырьмя ударами штыка, примкнутого к винтовке, убивает его. Затем поочередно проделал то же с четырьмя остальными полицейями. И как потом рассказывал сам Се-

лезнев, «пока кончал второго, третий и четвертый были уже готовы сами».

И был случай обратного свойства. Когда вместо «закалывания», партизан застрелил приговорённого. Бывшего друга детства – по его же просьбе.

Но могли и не закалывать. Человека родить можно одним способом, а убить – миллионы способов есть. Выше, в одной из глав, рассказывалось о глушанской операции начала марта 1943 года. Тогда группа захвата отряда вошла в общежитие, где ночевали полиция, и без шума увела всех. Под охраной караула их повели впереди партизанского обоза. Вначале пленных полиция было двадцать три. Но когда их вели через лес, одного полиция зарезал партизан Федор Злобин: ему сказали, что именно «этот» убил его друга Никиту Храпко, и что кожанка на нём именной автомат – Никиты. Караул не уследил, как длинным тесаком Федор ударил полиция в живот – тут же, в колонне угнетенно-покорно стоявших полицейских.

Но и остальные двадцать два полиция не дошли до базы лагеря. Что же с ними случилось? Расстреляли? Или закололи? Нет, ни то и не другое.

Было вот что. До рассвета обоз двигался спокойно, а с рассветом его стали сопровождать самолеты. Бомбили лес и поле в течение всего дня. Чтобы полиция не разбежались, их во время бомбежки заперли в сарае в одной из деревень, через которую проходили. И вот тут начальника караула осенила мысль: *да пусть они сами кончают себя!*

Сказали полицейским:

– Вас двадцать два – это много! Дальше поведем только половину. Сами вот этими поленьями решите, кому жить, а кому нет.

И слушали сквозь стены, как внутри *всё это* происходило, а затем вошли и перестреляли «победителей».

Да, партизанам временами приходилось быть жестокими. Но эта жестокость брала начало не из стремления к сильным ощущениям или к самоутверждению (не исключая, что были и такие, единичные, случаи). Скорее всего, жестокость вынуждалась обстоятельствами, то есть была в какой-то степени мотивированной.

И КУМОВСТВО НЕ ПОМОГЛО

Осенью 1942 года связной отряда Иван Гульбис сообщил, что в деревне Буда (на варшавском шоссе, недалеко от Глуши) часто бывают на попойках полицейские и бургомистр волости.

Договорились, что Гульбис, сам житель Буды, пригласит предателей в гости, и, после того, как те напьются, партизаны войдут в хату.

С наступлением темноты взвод партизан перешёл асфальтную дорогу, установил засады на подходах к деревне, а пять человек (группа захвата)³ огородами подошли к хате Гульбиса. Оттуда доносился громкий веселый разговор.

Дроздов и Леонов ворвались в хату:

– Руки вверх!

Полиции бросились к винтовкам. Но было поздно. Получив «пригласительные» удары прикладами, они тут же осунулись.

Действовать надо было быстро. Связали полицаям руки, напихали разных тряпок им в рот, и вывели во двор, в темноту.

В захваченной группе не оказалось бургомистра – он ещё не подошёл на вечеринку, был дома.

Иван Гульбис:

– Ну что? Может, и к нему в гости зайдем? Как ни как, а я ведь кумом ему прихожусь.

Подошли к хате бургомистра.

Дроздов, Леонов и Шпрыгов спрятались за угол. Гульбис стучит в окно.

– Кто там?

– Это я!

– А, это ты, кум? Гульбис?.. Сейчас. Иду...

Бургомистр с зажженной керосиновой лампой в одной руке и винтовкой в другой, выходит на крыльцо. Его тут же хватают за горло и прикалывают штыком винтовки.

Прихватив с собой трофейную винтовку, побежали бойцы к Коломийцу и Шелкову, стерегшим полицаяв.

Только отбежали от хаты бургомистра, как услышали стрельбу со стороны Горбацевич. По-видимому, кто-то сооб-

³ Состав группы захвата: Дмитрий Дроздов, Евгений Леонов, Владимир Шпрыгов, Федор Шелков и Николай Коломиец.

шил в полицию о появлении партизан в Буде, откуда направили группу полицейских в помощь, но партизанская засада «встретила» их.

Пленных семерых полицейских через час в лесу расстреляли.

Гульбис с той поры поменял статус: из связного отряда перешел в бойцы.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТПУСК

Наверное, это был редчайший в партизанской жизни случай, когда партизана поощрили «отпуском на Родину».

Красноармеец Михаил Романович под Сталинградом 10 сентября 1942 г. попал к немцам в плен. Но вскоре в районе Бобруйска Романович убежал из плена, и попал к партизанам, в отряд Храпко.

Обязательная проверка – и у командира отряда подозрение, что этот человек «подослан немцами». Уж за слишком короткий срок произошло перемещение Романовича из-под Сталинграда к Бобруйску и от Бобруйска в партизанскую зону!

Хотел, было, командир пустить человека «в расход». Но за него вдруг вступились бывшие «окруженцы» и военнопленные Василий Кучугура и Василий Попов. Кучугура, тот даже пошёл с «подозреваемым» на связь с бобруйскими подпольщиками. А Попов взял Михаила в свою группу подрывников – вместе подорвали четыре вражеских эшелона.

Как бы и чтобы там ни было, а через три месяца назначают Михаила Романовича командиром отделения во взводе Харламова (рота Царика). Хотя Храпко всё ещё сомневался. И надо понять командира: ошибись – и погибнет весь отряд.

Но когда по отряду разнеслось: Миша Романович из ПТР сбил немецкий самолет (!), Храпко сдался – повеселел, вызвал героя дня в штабную землянку, и объявил о представлении его к ордену. Более того, в знак особого доверия к бойцу командир предложил Михаилу сходить в отпуск к родному дому, что в деревне Запереходное Старобинского района.

Да, конечно, это здорово: навестить родных, тем более, что с сентября 1939-го, с момента призыва в армию, Михаил не видел ни мать, ни брата. Но...

– Товарищ командир! Вообще-то, время отпусков еще не наступило, да и не хочется рисковать жизнью в длинном переходе к дому по захваченной врагом территории.

Тогда Храпко предложил ему взять с собой пять (!) партизан в качестве охраны-сопровождения.

Опять отказ:

– Ну, зачем из-за меня рисковать несколькими бойцам.

Но Храпко настаивал!

Наконец, Михаил согласился. Но берёт с собой только одного бойца.

В штабе отпечатали просьбу ко всем, к кому Романович, возможно, будет обращаться в дороге, оказывать всяческое содействие бойцу при передвижении до указанного места.

Взводный Алексей Харламов пошутил:

– Миша! А ты и немцам покажи бумагу – а вдруг уважат!

И вот Михаил в родной деревне, в которой не был четыре года. От соседей узнал: мать умерла, не дождавшись сына два месяца; брат Иван – в местном партизанском отряде.

Через 15 дней оба бойца вернулись в родной отряд.

Ходил по отряду слух, что таким вот образом командир проверил безопасность пути в штаб соединения (недавно там погибли несколько связных), а это часть маршрута, которому следовал Романович.

ОПАСНОЕ СТАРОЕ ЗНАКОМСТВО

Осенью 1942-го года, намереваясь разгромить полицейский гарнизон в родном селе Березовке, командир отряда Храпко направил своего шестидесятилетнего отца, Бориса Алексеевича, туда в разведку. Хотя отец числился в хозяйственном взводе, сын иногда давал ему подобные поручения.

На лодке по Птичи Борис Алексеевич добрался до окраины Берёзовки. Вечером под видом пастуха вместе со стадом коров селян он вошел в деревню.

Но его всё-таки арестовали (по-видимому, кто-то из местных полицаяв донёс), привели к немецкому коменданту и сказали, что это – партизан.

Борис Алексеевич, оставшись наедине с комендантом, по-немецки попросил дать закурить. Офицера удивило, что старик, деревенский житель, неплохо говорит по-немецки. И тот, всё также по-немецки, рассказал, что довелось ему побывать в Германии во время первой мировой войны. В 1914 его, отца четырех детей – старшему от роду пять лет – мобилизовали и отправили на фронт... А когда немцы применили газы, отравился, попал в плен. Четыре года работал у бауэра в деревне.

И надо же! Оказалось, что комендант Березовки был родом из того же Купиндорфа в Ганноверской провинции. Он, тогда мальчишка, жил по соседству, и хорошо помнит пленного русского солдата Бориса: тот не раз мастерил ему игрушки и вообще любил играть с ребятами, тоскуя по своим детям. Вот так встреча!

Борис Алексеевич рассказал немецкому коменданту, как с детства привыкший к тяжелому крестьянскому труду, он и в плену выжил. Как в 1918 году его жена Дарья Васильевна получила из Германии открытку, и хотя писана она была на русском языке, никто в деревне не мог ее прочесть. И пошла с письмом Дарья Васильевна в Глуск, обошла всех знакомых, наконец, нашла грамотея. Борис писал (нет, не он сам, а кто-то из таких же как и он, но грамотный), что в Германии ему очень хорошо, вот только просит прислать ему посылочку ржаных сухарей... А через год, в 1919, Борис Алексеевич и сам явился. Но пожить мирной жизнью довелось почти что ничего. Началась гражданская война. А вскоре пришли белополяки, сожгли деревню, в том числе и его дом, разграбили имущество. И снова голод, холод, невероятные трудности и страдания выпали на долю семьи Бориса Алексеевича. Опять надо строить дом, приобретать хозяйственный инвентарь, воспитывать детей, старшему (имя сына, ныне командира отряда, старик коменданту умышленно не назвал) было 11 лет. Дети, выросшие в нужде, без отца, умели всё, помогали родителям, как могли. Семья была дружная и трудолюбивая, в ней царили взаимопонимание, порядок и любовь. В доме было тепло и уютно, везде чистота и порядок. Жена успевала всё: и с домашним хозяйством управиться, и поткать, повязать, повышивать; зимой за шитьем, летом – в поле. Борис Алексеевич с сыновьями всё время мастерил: всю мебель в хате сделали сами, своими руками, – шкаф,

стол, кровати, диван... Зимой работали при свете лучины, лампа – только по вечерам, когда дети трудились над школьными книжками и тетрадками.

«Вот так, гер комендант, жили мы здесь до вашего прихода», – закончил свой рассказ бывший русский солдат Борис.

Чего *не сказал* Борис Алексеевич немецкому коменданту, так неожиданно дружески расположенному к нему, так это того, что принял советскую власть всей душой, ибо при ней он почувствовал себя Человеком! Его уважали и ценили за трудолюбие, а на республиканском совещании колхозников-ударников с ним беседовал сам Ворошилов. И, конечно, не сказал он и о том, что очень гордится своим сыном – партизанским командиром.

Комендант, не подозревая, что перед ним отец командира «бандитов» Николая Храпко, спросил, наконец, откуда и зачем старик пришёл в деревню.

Старик пояснил, что живёт он в соседней деревне, а сюда, в Березовку, пришёл навестить своего брата.

Тепло попрощавшись, комендант отпустил старого знакомого домой.

Борис Алексеевич понимал, что офицер очень скоро разберётся «кто есть кто», и потому намеревался быстро исчезнуть. Но сначала надо было выполнить задание сына-командира: уточнить обстановку в деревне и вокруг. Для этого зашёл к своему соседу.

Но сосед, увидев Бориса Алексеевича, опасливо замахал руками: уходи, Борис, опасно! Меня могут расстрелять за связь с партизанами. Правда, всё-таки сообщил, где и что у немцев в Березовке есть.

Старик задворками прошёл в бывшую колхозную баню и там спрятался – до наступления темноты. Надобно и отдохнуть, ибо устал изрядно.

Лёт на полок в парилке. Но спохватился: береженого бог бережет! И забрался в котёл, в котором нагревают воду, прикрылся крышкой.

Вскоре раздались шаги и немецкая речь. В баню вошел патруль. Солдаты порыскали лучом фонаря по углам, по полкам и, не найдя того, кого искали (а из разговора, что вели патрульные, было понятно, что искали именно его), ушли.

Старик ползком выбрался из бани и, пользуясь сильным дождем, пробрался незамеченным к своей лодке на Птичи. Лёг на дно лодки и некоторое время так и плыл по течению. Затем взялся за весла...

Рассказал отец сыну-командиру о гарнизоне Березовки многое: и где у них посты, и как вооружены. И, конечно, рассказал об интересной и опасной встрече.

ОДИН ДЕНЬ ОДНОГО ПАРТИЗАНА

Послали группу партизан произвести взрыв на заводе им. Ленина, что в Бобруйске. Снарядили соответственно: тол, взрыватель замедленного действия, шнур. Замаскировали всё это в корзине с помидорами, огурцами и яйцами.

Трое остались поджидать в лесу. Четвертый пошёл на завод, подходит к проходной завода, а добрые люди его предупреждают: тебя, мол, немцы здесь уже ждут, ищут.

Оставил партизан свою корзину меж двух паровозов и – обратно, в лес, туда, где его поджидали товарищи...

Идёт через деревню Вороновичи. А там, как назло, немцы только что выставили оцепление. Партизан бросился во двор к одной бабule – та быстро сообразила, что к чему, и спрятала парня в истопке, присыпав картошкой.

Пошарив в хате, во дворе, зашли немцы в истопку. Штыками «попробовали» картошку... Ушли.

Проходят намеченные три часа, как партизан оставил свою корзину у паровозов, и вот грохнул отсроченный взрыв.

Идёт боец далее. Ясно, товарищи, не дождавшись его после взрыва, уже где-то по пути в отряд. Так что и ему надо идти сразу в отряд.

Проходит Глебову Рудню, идёт через Язвинцы...

И тут снова оцепление... На этот раз попался!

Допрашивать не стали, ибо особенно подозрительным он не казался (оружия при нём не было) и немедленно отправили под охраной в Паричи. Это недалеко.

В Паричах также не стали разбираться кто он да что он, а тут же погрузили вместе с множеством других арестованных на пароход и повезли вверх по реке Березине к Бобруй-

ску. («Ага, – тогда догадались «пассажиры» парохода, – нас соби-
раются отправить в Германию».)

А между Стасевкой и Королёвой Слободой вдруг грохнуло – это впереди идущую баржу, груженую боеприпасами, подорвала и обстреляла другая группа отряда (обе группы выходили одновременно).

Немцы арестованных быстро сгоняют на берег, строят в колонну и ведут в Стасевку. Но без нашего героя – он сумел спрятаться под обрывом берега реки...

Боец благополучно вернулся в отряд, – и раньше группы, в составе которой выпел на задание!

ПРОВЕРЯЛИ. НО ДОВЕРЯЛИ!

Плохих людей лучше поймёшь, не доверяя им,
хороших – доверяя... А человек, известно, сложен...
И, не веря ему, видишь в нём одно зло, веря – одно добро.
А. Абелев

В мирное время к новому человеку, принятому на работу, известное дело, присматриваются. Изучают деловые и личностные качества. А уж в военное время – тем более, без тщательного изучения новичка не обойтись.

Каждый новый человек в отряде обязательно проверялся. За ним наблюдали явным и неявным образом и обо всем подозрительном докладывали оперативному уполно-моченному особому отделу. И тот уже решал, что делать дальше с «подопечным».

Иначе можно погубить весь отряд.

Как правило, неявная слежка велась тайными сотрудниками оперуполномоченного особого отдела Виноградова, которые давали ему подписку. Вот одна:

«Даю настоящую подписку тов. А. в том, что я с сегодняшнего дня обязуюсь добровольно помогать выкорчевывать засланных шпионов в партизанские отряды. Кроме того, я обязуюсь провести тщательную разработку пришедшей из гор. Бобруйска группы военнопленных и никому об этом не разглашать. За разглашение данной подписки несу ответственность по закону военного времени. Все даваемые мною сведения буду подписывать «Иванов».

И вот идёт наблюдение... В архиве отряда им. Кирова есть два донесения, тесно увязанных друг с другом. Одно из них – «Иванова», другое ... того, на кого «Иванов» доносил.

Уполномоченному особым отделом
т. Виноградову

На основании своих наблюдений и убеждений считаю своим долгом сообщить Вам некоторые факты в поведении партизана Дубровского⁴.

В разговоре на тему о «между прочим» часто касаемся вопросов о нашем прошлом.

Партизан Дубровский «славится» своей словесностью, которая очень часто принимает всё новые и новые обороты. Например: первое время прибытия в отряд он говорил об исключительно плохих условиях жизни в качестве военнопленного в г. Бобруйске, его много заставляли работать, подчас даже и ночью, кормили очень плохо. Теперь же, напротив, в его речи слышны мотивы довольствия «Бобруйской жизнью».

Например: в разговоре о недостатках подпилков 25.1.43 г. партизан Дубровский между прочим сказал, что «зря не пришли ко мне в Бобруйск, там я мог достать что угодно и сколько угодно. Были дни, когда я зарабатывал тысячу». Но не так давно он говорил, что трудно поладить с немцами русскому человеку, — сильно контролируют во всех поступках. Даже в этом я заметил его двойственность суждений.

Кроме того, помню факт агитации партизаном Дубровским местного жителя д. Зубаревичи (хозяин дома, где сейчас помещается разведка — против кладовой). Разговор был на тему жизненных вопросов и материальных условий. Им, т.е. Дубровским, были сказаны следующие слова: «Зарабатывая 10-15 марок в месяц в Германии можно жить прекрасно».

Были и другие разговоры, но я их не расслышал.

В заключение хочу добавить сон партизана Дубровского, который слышал партизан Дубенко ещё в Зеленковичах. Разговор во сне был такого, примерно, содержания: «Вот бы на этих бандитов да самолётов, тогда их можно бы уничтожить и т.д.»

Сопоставляя даже то, что здесь написано у меня, невольно складываются сомнения в отношении партизана Дубровского как человека чуждого к нам.

Прошу написанное принять к сведению и по возможности расследовать ещё больше.

Партизан (подпись)⁵ 25.1.43 г

Итак, этот документ свидетельствует о характере работы, которую проводил особист Виноградов через своих людей.

⁴ Дубровский Анатолий Иванович, 33 года, кандидат в члены ВКП(б), русский, боцман Тихоокеанского флота, прибыл в отряд из плена в ноябре 1942 г.

⁵ НАРБ, ф. 1405, оп.1, д.277, л.10-11. Кстати, донесение подписано не «Иванов», а подлинной фамилией. Об авторе «информации к размышлению» известно, что ему было 25 лет, комсомолец, русский, имел высшее образование, прибыл в отряд в ноябре 42, героически погиб летом 1943 г. и похоронен в д. Круглониво Бобруйского района.

«Факты» сообщал отважный партизанский разведчик, героически погибший через полгода.

Интересно, а как дальше сложилась судьба Анатолия Ивановича Дубровского? Прочитав «донесение», я стал искать Дубровского среди имён расстрелянных, «пущенных в расход». Не нашёл.

Но узнал другое. Виноградов делал многостороннюю проверку каждого новичка. И ни в коем случае не опирался на мнение лишь одного человека. Дубровского через два месяца после вышеприведенного «доклада» назначают командиром отделения, а еще через три месяца – командиром взвода. Причём, взвода, в который для проверки поступали все новички.

А вот один из эпизодов боевой деятельности Дубровского, того самого «проверяемого», которому доверили. «Доносят»... сам Дубровский.

Боевое донесение

19 ноября 1943 года, 12 часов дня. Моя разведка доложила, что на опушке леса у асфальта работают пленные и с ними охрана 15 человек немцев, вооруженные винтовками и ручным пулеметом. Я решил этих немцев уничтожить. Но поблизости не было других групп нашего отряда, что делали бы дневку в этом лесу. Встретил группу партизан бригады Виктора⁶, предложил им произвести операцию совместно, и потом поделить трофеи пополам. Те начали возмущаться, и не пошли.

Отойдя от них, я нашел партизан своего отряда, которые согласились пойти на эту операцию. А через некоторое время ко мне подошёл командир взвода из бригады Виктора, который согласился участвовать в операции.

Но когда мы подошли к опушке леса, там рабочей команды из пленных и их охранников не было.

Совместно со взводом бригады Виктора мы победили. Далее я предложил устройть засаду на шоссе. Группа из бригады Виктора присоединилась к нам. Договорились так. Моя группа, как слабовооруженная, залегает по левую сторону шоссе, а его группа – по правую сторону на 50 метров.

Подошли к шоссе в 5 часов вечера 19 ноября. Я своих двух бойцов расположил от асфальта на 2 метра по обе стороны шоссе. Перейдя шоссе и проверив своих бойцов и предупредив их, чтобы они зарядили винтовки бронезажигательными патронами, приказал, чтобы каждый боец использовал все 5 патронов по машине. Только отдал приказ и стал переходить шоссе, как на расстоя-

⁶ «Бригада Виктора» – бригада Виктора Ливенцева.

нии 20 метров появилась автомашина с крытым кузовом и с прицепом, на котором находился агрегат динамо-машины. Я дал команду: по машине ОГОНЬ.

В одно мгновение машина загорелась. По моей команде огонь прекратили, и все бойцы вместе со мной стали преследовать машину, которая катилась по шоссе по инерции.

Я подбежал к машине, открыл дверку кабины, а там сидит офицер-летчик, который в одно мгновение зарядил свой автомат. Но я в этот же момент схватил его правой рукой за грудки и выкинул из кабины на асфальт и добил рукояткой его же автомата по голове. Только один шофер сумел удрать в немецкий гарнизон.

В результате было убито два немецких офицера-летчика, сожжена автомашина, груженная небьющимся стеклом и целлулоидом, и электроагрегат. Трофеи: немецкий автомат, пистолет, 2 пары сапог, 2 часов, бутылка шнапса, 2 гуся и сигареты. Трофеи все поделены.

23 ноября 1943 **Дубровский**

Итак, Анатолий Иванович Дубровский проверку выдержал.

ВСТРЕТИЛИСЬ, ПОГОВОРИЛИ, РАЗОШЛИСЬ...

Встретив в пути кого-нибудь из местных жителей, партизанская разведка или просто группа, идущая на операцию, принимала меры предосторожности. Если такой человек ещё

не успел заметить всю группу (а то и отряд), его отводили в сторону и, выждав, пока основная масса партизан пройдет незамеченной, отпускали. Но если встречному удалось заметить отряд, его задерживали, обыскивали, выясняли, не при-

Расписка

Я, гр. д. Заполье Барановский Гавриил Семенович, 16.8.43 г. встретился с партизанами. То, что в меня спрашивали, я все говорил.

Обязуюсь держать связь и быть преданным Советской власти.

В чем и расписываюсь.

надлежит ли он к полиции, выпытывали всё, что он знает о противнике. Затем группа (отряд), чтобы скрыть истинное направление своего движения сворачивала в сторону и шла с задержанным некоторое время и, взяв с него «расписку», прощалась. Уйдя на значительное расстояние от нового знакомого, группа, вновь изменив направление движения, следовала к месту своего назначения. В противном случае, могло произойти то, что произошло 17 июля 1943 г.

Возвращаясь с задания, группа партизан остановилась отдохнуть в лесу у деревни Орсичи. Здесь их увидел местный житель Б., собиравший ягоды. Бойцы видели его, но бдительности не проявили. А тот не только их увидел, но и поспешил в полицейский гарнизон, что на станции Брожа, и вскоре привел полицейев с собаками. Партизан окружили. В перестрелке погибли Василий Борбут, бывший председатель Продвинского сельсовета, и Яков Коршак. Двоих партизан – Ивана Воробья и раненого Иосифа Чигиря – полицейцы схватили, в гарнизоне устроили им допросы с пытками, а затем на Чигиря напустили собак, и те его разорвали. А Воробья после пыток в гарнизоне отправили в гестапо.

«Я, АНЯ, ДАЮ НАСТОЯЩУЮ ПОДПISКУ...»

Штаб партизанского соединения Минской области «прикрепил» отряд им. Кирова к Бобруйску. Там, в городе, отряд должен иметь «своих людей» для проведения разведывательной работы. Ниже приводится ряд архивных документов, по которым мы можем прикоснуться и к времени, давно прошедшему, и к методу работы партизанских чекистов.

Подписка

*Я, Аня, даю настоящую подписку в том, что я обязуюсь работать секретным работником НКВД, и обязуюсь выполнять задания аккуратно, а также об этом никому не разглашать, хотя это может угрожать моей жизни.
5.9.1942 года (подпись) Аня.*

Расписка

*«Я, Аня, получила от красных партизан деньги на сумму сто марок (100) для работы в гор. Бобруйске. В чем и расписываюсь.
Аня. 5.9.42 10.00»*

Сообщения Ани (записки) в ноябре 1942 г.

• «В городском театре шла постановка «Коварство и Любовь». По окончании пьесы было подогнано три автомашины, на которые погрузили около 80 человек молодежи и увезены неизвестно куда. Предварительно была сделана проверка документов».

• «7 ноября был направлен эшелон молодежи в Германию, который был остановлен партизанами возле ст. Пуховичи. Часть молодежи была взята в партизаны, а часть отпущена домой».

• *«На отправку в Германию из города Бобруйска и Бобруйского района дали наряд немецким властям на 6 тысяч человек. Много случаев повешений. Две девушки бросились в реку Березину».*

• *«Перед Октябрьским праздником в гор. Бобруйск привезено 2 эшелона немцев с фронта с закованными в цепи руками и размещены в подвальных помещениях Бобруйской СД. и предварительных камерах».⁷*

«В ОТРЯДЕ Я БЫЛА ПОВАРОМ...»

«За добросовестное отношение к выполнению обязанностей повара отряда, чем способствовала сохранению боеспособности личного состава отряда, представляется к медали «Партизану Отечественной войны»...

Из наградного представления

Как тут не улыбнуться, прочитав строки из наградного представления, вынесенные в эпитафию. Дескать, работала поваром, кашу варила, и на тебе – партизанка, в последующем ветеран Великой Отечественной войны! Не убила ни одного фашиста – и на тебе!

А давайте копнем поглубже: как на самом деле всё было?

Благо, сохранились письменные свидетельства трёх «поварих», или просто работников кухни хозяйства отряда.

1.

Филипчик Анастасия Георгиевна вспоминала:

«Наша семья – я, муж и трое детей – перед войной жили в Бобруйске. Муж, Филипчик Константин Фомич, 1898 г.р., член партии с 1923 года, работал директором горплодоовощторга».

С началом войны пытались эвакуироваться. Доехали до г. Рогачева, но там муж встретился с партийными работниками и от них как человек, владеющий немецким языком, получил указание остаться в тылу врага для подпольной работы. Об этом он мне откровенно рассказал».

Муж остановился в совхозе «Жиличи» Кировского района, где когда-то работал директором совхоза, а я с младшим четырнадцатилетним сыном, Филипчиком Валентином, пришла в г. Бобруйск посмотреть свою квартиру и выяснить обстановку в городе. Старший сын – Чабан Георгий Федорович – 18 лет и дочь Надежда – 15 лет (оба от первого брака) остались с Константином Фомичем в совхозе «Жиличи»».

⁷ Возможно, – по мнению одного из моих товарищей – то были не немцы, а итальянцы, плохо воевавшие на стороне немцев или вовсе отказавшиеся воевать под Сталиным. – **А.Т.**

В Бобруйске вошла я с Валентином в свою подчистую ограбленную квартиру, вложила партийный билет мужа и комсомольский билет сына Георгия в стеклянную банку и закопала в погребе.

Узнав, что немецкие власти арестовывают членов партии и руководящих работников города и района, я с сыном Валентином возвратилась в совхоз «Жиличи» к мужу и рассказала ему об этом.

Поскольку в Жиличах у нас жилья не было, а в Бобруйске наша квартира никем не занята, мы решили, что муж пока, до изменения обстановки в Бобруйске, останется в совхозе «Жиличи», а я с тремя детьми перееду на жительство в Бобруйск на старую квартиру. Так и сделали.

Уже в Бобруйске я встретилась с бывшим бухгалтером горпитецторга Вигдорчиком, который жил в нашем доме. Он хорошо знал, что мой муж является членом партии, а старший сын — комсомолец. От соседей узнала, что Вигдорчик работает у немцев начальником городской полиции. Кстати, до войны он был судим за растрату государственных средств, и характеризовался как пьяница, пройдох и двуличный человек.

Я хотела предупредить мужа, что возвращаться в Бобруйск ему опасно, но не смогла достать пропуск на выезд из города. И тут приезжает на телеге он сам, ибо очень беспокоился о нашей судьбе, да и в «Жиличах» оставаться дальше было нельзя — там немцы организовали полицию.

А через два часа после того, как муж приехал, в квартиру вошли Вигдорчик с полицейскими и арестовали его. Потом стало известно, что он расстрелян. Наши попытки найти его тело были безуспешными.

В сентябре 1941 г. к моим сыновьям Георгию и Валентину пришел их школьный товарищ Саватеев Иван и рассказал, что немцы выпускают из лагеря военнопленных тех лиц, на которых имеются документы, подтверждающие, что они являются местными жителями. Я с сыновьями и Саватеевым ходила по домам расстрелянных семей еврейской национальности, разыскивали их паспорта. Затем Саватеев куда-то их отнесил, там их подделывали — проставляли имя военнопленного, которое мы узнавали заранее (немцы первое время разрешали гражданским лицам подходить к проволочному заграждению и вести разговоры). Таким образом было выручено много военнопленных. Кроме того, иногда немцы могли освободить из лагеря военнопленного за взятку — ящики,

инант, сало. Этим мы также воспользовались и выручили нескольких человек.

В октябре 41-го в момент передачи военнопленному хлеба меня жестоко избил конвоир.

Вместе с подпольщиками Гуриновичем Николаем и Саковичем Евгением я и мои сыновья Георгий и Валентин от руки писали листовки «Смерть фашизму!», «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция!» и расклеивали их на стенах домов в многолюдных местах.

Вначале работу по сбору оружия и распространению листовок мы скрывали от моего младшего сына Валентина. Но, увидев, что Валентин стал проявлять к нам большой интерес и, боясь, чтобы этот интерес не перешел за рамки предела, мы решили по возможности посвящать его в нашу работу, и он стал принимать самое активное участие с присущим ему темпераментом.

С осени 1941 года нашу квартиру стал посещать лейтенант Красной Армии Сыроквашин, попавший в окружение. По его заданию мы с сыновьями собирали патроны, гранаты, распространяли листовки. Работая посудомойкой и уборщицей в немецкой войсковой части, весной 1942 г. в одном из помещений обнаружила много русских ручных гранат «лимонок». Тайком я вынесла до 50 гранат, а сын Валентин постепенно отнёс их партизанам отряда Храпко.

В 1942 г. я неоднократно приходила в д. Старое Село Глуского района и в д. Гороховка Бобруйского района, где встречалась с партизанами Василием Кучугурой и Леонидом Виноградовым – им я приносила медикаменты, а от них получала листовки с сообщением Совинформбюро для распространения среди населения г. Бобруйска.

Несколько раз я ходила из Бобруйска вместе с Валентином в деревни Зеленковичи, Зубаревичи, Козловичи и Крюковщина для встречи с командованием отряда – Н.Б. Храпко, В.Е. Голодовым и С.В. Сыроквашиным. Мы доставляли сведения о прибытии в г. Бобруйск и выбытии из города воинских частей гитлеровцев, о передвижении немецких эшелонов через станции Березина и Бобруйск, а также данные о лицах, служивших в немецких учреждениях и полиции. Немецкие и полицейские посты мы проходили под предлогом обмена краски, соды, карандашей, тетрадей, мыла на продукты питания. И, для отвода глаз, сын Валентин всегда нес с собой националистические газеты и журналы⁸. Кстати,

⁸ Известно, что пресса и устная пропаганда белорусского национального движения, с одной стороны, разоблачали преступления сталинизма и, с другой стороны, заступались перед оккупантами, представляли их «друзьями» белорусского народа. Это

эта печать представляла определенный интерес для командования партизанского отряда.

Весной 1943 года, когда начались повальные аресты подпольщиков, я вместе со своей семьей – сыновьями и дочерью Надеждой – ушла в отряд Храпко.

Сын Георгий активно участвовал в боевой деятельности отряда Сезика и погиб в ночь на 30 августа 1943 года во время диверсии на железной дороге. Сын Валентин также выходил на боевые операции в составе отрядов им. Кирова и им. Фурманова. Я же в отряде была поваром.

Вот так, не рассчитывая ни на какие медали, самоотверженно действовала эта женщина, ставшая поваром в отряде.

2.

Казалось бы, ну что может рассказать о своей борьбе с фашистами девушка, которая, числясь бойцом отряда (приняла присягу), то и дело привлекалась для оказания помощи повару отряда. И когда о ней вспоминали «партизаны последнего призыва», то говаривали: да-да, кажется, она была в хоззведе, работала на кухне.

У **Лиды Марковой**, которой в июне 1941 г. исполнилось лишь 16 с половиной лет. Война застала Лиду в Бобруйске, где она училась на портниху. Пешком пришла к родителям в поселок Богушовка, что на «варшавке» недалеко от Глуши.

В начале ноября 1941-го Лида пошла в Бобруйск к тётке. Возвращалась от нее 7-го ноября и была свидетелем того, как немцы гнали из Бобруйска по «варшавке» длинную колонну людей в ошметках военной формы – наших военнопленных. Как немцы избивали прикладами тех, кто отставал. Как добивали выстрелами в упор тех, кто уже не мог идти. И видела дорогу от Бобруйска до Глуши – в лужах крови.

В начале апреля 1942 г. Богушовка была оцеплена большой группой карателей и полицейских. Всех жителей вместе с детьми согнали в один конец посёлка, что как раз напротив дома

мало действовало, ибо жители оккупированных районов уже успели ощутить «заботу» о себе зондеркоманд, СС, СД и гестапо и их приспешников – полицаяв.

Марковых. Погнали туда и Лиду с отцом и матерью, подталкивая прикладами автоматов. Мать вся дрожала, посиневшая и черная от страха. И дети малые, сестричка и братишка, выбежавшие из дома в одних рубашонках, босые стояли на снегу и кричали: мама!.. папа!..

Лида как увидела голых детей, так тут же рванула назад, и к солдату с кулаками: *«Ты зачем киндеров (детей) голых и босых выгнал на калыд (снег)?»*

Смутился солдат. А Лида детей завела обратно в дом, посадила их на печку. Потом через притвор калитки видела, как перед жителями деревни были казнены соседи, у которых останавливались на днях партизаны.

После всего увиденного пропал у Лиды всякий страх, появилась ненависть к этим фашистским извергам. Стала девушка искать партизан. И скоро стала связной отряда Храпко.

В декабре 1942 г. Лида, заметив за собой слежку, ушла в отряд Храпко, приняла присягу, получила винтовку, и была зачислена бойцом боевого взвода. Периодически Лиду посылали в помощь пекарю отряда.

Несколько раз попадала Лида под бомбежку.

4 марта 1943 г. – бомбёжка Зубаревич. Оккупанты мстили за дерзкую вылазку партизан в Глуше. Отряд тогда был на обратном пути к базе.

Первым делом, когда все стали убегать, девушка бросилась выносить формы с хлебом на улицу, подальше от дома.

Успела спрятаться за угол сарая. Бомба взорвалась рядом: убила лошадь, корову, поросенка, а тот дом, из которого только что Лида вынесла хлеб, повредила.

Вот только после этого Лида побежала к бойцам своего отделения к кладбищу, но тут услышала стон. Отбросив бревна постройки, девушка увидела командира хозяйственного взвода: обе руки раздроблены, торчали кости.⁹ Собрав все свои девичьи силы, Лида с большим трудом вытянула раненого на улицу, подтащила к дому, перевязала и передала подбежавшему командиру взвода Щербичу.

А сама перебежала к избе-пекарне, откатила три дежки (бочки) с тестом подальше от дома, укрыла их первыми попавшимися тряпками, и продолжила свой бег к месту укрытия

⁹ Калюнов Николай Иосифович, лейтенант- артиллерист, 1895 г. р. Спасти его не удалось – слишком тяжелое ранение.

отделения... А бомбёжка продолжается. Командир отделения Иосиф Тасминский, стоявший неподалеку за стволом толстого дуба и следивший за перебежками девушки, успел крикнуть: «В стог!» Девушка тут же воткнулась головой в копну сена: голова в сене, а туловище и ноги снаружи! И опять свистели осколки. Уцелела!

Вторая бомбёжка – в июне 1943 г, бомбили Крюковщину. Отряд тогда размещался в лесу, а в деревне были лишь подсобные хозяйства. По тревоге все жители побежали в лес. Лида работала в пекарне и опять «запоздала» со своим спасением. Как и в предыдущем случае, она сделала всё необходимое, чтобы спасти хлеб, и готовилась уже бежать, как услышала плач ребенка. Оказывается, из четверых своих детей, хозяева дома взяли только троих – 4-летнего, 5-летнего и одного из грудных близнецов. А другой близнец по какой-то причине остался на произвол судьбы. Девушка схватила ребенка. Но убежать было уже поздно: бомбы рвались и на окраине деревни. Тогда Лида стала следить за направлением падения бомб и с ребенком на руках отбегать и прятаться за угол какого-либо сарая или дома. Спасла и ребенка и хлеб... Родители в слезах благодарили девушку.

Вот участвует Лида в «рельсовой войне». «Драпает» с группой от места подрыва.

«Я была тогда одета в ситцевое старенькое платье и обута в деревенские лапти с портянками до колен, обмотанными веревками. Бегу, продираясь через густые заросли, а затем по кочкам и болотным лужицам. В клочья изорвалось моё платье. Гнилые веревочки на лапоточках моих оборвались, портянки тащатся за мной. А еще через полкилометра – осталась в нижней рубашке и трусах. Но вот всё затихло – не слышно ни выстрелов, ни лая собак погони. Я стою и отрываю с ног, рук и других мест лоскутки кожи с кусочками мяса. Больно, ой как больно! Кровь сочится, струится по рукам и ногам.

Подбежали ребята из группы – подумали, что я так посечена осколками. А потом стали смеяться: мол, Лида, тебе под юбку попала граната, наверное. Были смех и горе.

Хотели усадить меня на лошадь, да ранки на теле меня обжигали – и не смогла сесть. И я пошла одна. Отстала от бригады, нагнала только на привале. И там оказалась канава с холодной криничной водичкой. Здесь меня медсестра Жавнеркович Наталья Михайловна обмыла, оказала первую медицинскую помощь, дала свое летнее пальто и я поплелась за бригадой. Так и шла – до самого лагеря. А кто-то из ребят

партизан мне потом говорил: да и не надо было тебе идти на подрыв, никто же тебя не заставлял, сама упросилась».

3.

Лучшей подругой Лиды Марковой была (и есть!) Нина Остапенко, они одногодки. Когда Лида, опасаясь ареста, ушла в отряд, все «связные» дела легли на плечи Нины: сбор сведений о передвижении вражеских войск по «варшавке», о размещении полицейского гарнизона в Глуше и Богущевке, доставка в отряд перевязочных материалов... Всё это она передавала в руки Виноградова, Кучугуры, Леонова.

В августе 1943 г. староста деревни, заподозрив неладное, донёс на Нину в полицию. Из комендатуры Бобруйска прибыла машина, и Нину с отцом под дулами автоматов увезли в камеру предварительного заключения в Бобруйск. Нину били, истязали – ничего не добились... Отца расстреляли, а Нину в начале сентября вместе с другими девушками погрузили в товарный вагон – в Германию. Но вблизи станции Мирадино (недалеко от Бобруйска) Нина с одной из девушек выпрыгивает из вагона на ходу эшелона и тут же по-пластунски ползёт к лесу. Сзади стреляли: на световом фоне станции охрана заметила выпрыгивающих девушек. Нина добралась до леса и всю ночь там просидела под дождём. На рассвете лесом направилась домой.

Из отряда за девушкой пришли двое парней.

В отряде Нина побывала недолго. Скоро ее направили в бригаду, точнее, в бригадную разведку. А если ещё точнее – кормить бригадных разведчиков (их было более тридцати). Вот что пишет сама Нина Павловна:

«С 17 октября 1943 года я числилась рядовой взвода бригадной разведки. Со мной вместе трудились Надя Храпко и Мария Потапенко. Выполняли мы разные поручения командиров, но в основном нашей задачей было накормить командование бригады и разведчиков. Трудилась от зари до зари».

Вот такими были они, партизанские «поварихи», награжденные медалью «Партизану Отечественной войны».

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Предчувствие – предвидение следствий из причин, в которых мы не отдаем себе отчета; выводы, в которых подсознание опередило сознание.

Ветераны-партизаны нередко говорили, что в то, военное, время уж очень верили они в предсказания по картам и снам и всяким там предчувствиям.

К гадалкам и толкователям снов обращались не только бойцы, но и командиры. После декабрьских боев в Ковчицах-2 появился в отряде чех-гадальщик на картах. Но больше успеха имели бабки – гадалки и толковательницы. Так, Марфа Максимовна, мать Максима Болбаса, истолковала сон Анны Митрофановны Адамович как скорую встречу с сыновьями, о которых шла молва, что они погибли. И что? Нашлись сыновья!!! (А ведь чех предсказал: семьи больше не будет, все погибли.) Правда, бабка предупреждала, чтобы о снах своих каждому встречному бойцу никому не рассказывали. Ибо, по ее мнению, только ты сам можешь понять сон, поскольку ты один знаешь всё свое сокровенное, все свои проблемы – а ведь это как раз и представляется в снах в драматических и трагических картинах.

А бывали и просто предчувствия. Конечно, те из них, что не сбывались, как бы выносились за скобки, и про них просто забывали. Но если сбывалось, тогда запоминалось навсегда.

Комиссар Буянов П.Н. предчувствовал свою гибель. Незадолго до того злополучного боя вблизи совхоза «Сосны» Буянов возле одной из изб деревни Сковшин увидел подводу санчасти и зашёл в избу. Там с больным находилась Анна Митрофановна Адамович. Далее было так, вспоминала Анна Митрофановна: «Комиссар сел за стол, облокотился и долго о чем-то думал. Лицо какое-то печальное-печальное. Вдруг быстро достал кусок бумаги и карандаш и стал писать. Потом говорит: *«Анна Митрофановна, ...вот адрес моей сестры и моей жены. У меня три сына, меня скоро убьют, а вы, если останетесь живы, сообщите им»*. Женщину очень поразило сказанное, и особенно лицо и голос Буянова. Потеряв дар речи, она молча взяла записку. Около порога комиссар обернулся: «Не задерживайтесь...» И, как известно, погиб.

А вот ещё об одном предчувствии. Идёт группа из четырех партизан – Михаил Суховерков (командир), Иван Макейчик, Николай Яльчик и Михаил Белечков – со взрывчаткой на под-

рыв вражеского воинского эшелона. Идти около 70 километров. В пути Яльчик, весельчак и балагур, всё время шутит, рассказывает анекдоты и забавные истории, напевает частушки – с ним всегда легко и весело идти. Суховерков, наоборот, несколько задумчив, чем-то озабочен, улучив момент затишья, говорит: *«Вот мы, парни, идем с вами на ответственное задание, и возможно всякое, всего не предусмотреть, и в случае моей гибели, если кто-либо из вас доживет до конца войны, прошу сообщить обо мне моим родителям и сестре в Кисловодск»*.

На фоне общего веселья это заявление Суховеркова было слишком пессимистичным, и парни отшутились: ну, ты это зря, ещё вместе дойдем до Берлина.

В ночь с 28 на 29 декабря 1942 года группа достигла железной дороги. В полной темноте – ни одной звезды на облачном небе – Суховерков и Яльчик с ящиком тола в 16 кг поползли к железнодорожному полотну. Макейчик и Белечков заняли позиции в боевом охранении на подступах к месту закладки взрывчатки.

Послышался отдаленный шум приближающегося состава. Вот-вот, уложив взрывчатку под полотно, должны возвратиться подрывники.

И тут раздался сильный взрыв! Преждевременный взрыв, ибо состав был еще на достаточном удалении от места закладки взрывчатки.

Из дзотов охраны железной дороги в сторону леса стали строчить пулеметы. Охрана остановившегося эшелона также открыла автоматный и пулемётный огонь. Ночное небо ярко осветилось ракетами.

Переждав стрельбу, Макейчик и Белечков отползли к лесу и там ждали возвращения товарищей.

За три часа немцы восстановили разрушенный участок железнодорожного полотна, и эшелон пошёл дальше.

Макейчик и Белечков оставались в лесу, все еще надеясь на возвращение товарищей. Но скоро рассветёт, и тогда к полотну нельзя будет подойти, и они поползли к месту взрыва, и так же ползком прочесали весь участок. Безрезультатно.

И тогда вышла наружу мысль, которая уже точила сознание: их товарищи, Николай Яльчик и Михаил Суховерков, оп-

тимист и пессимист, подорвались на собственной мине. Видимо, кто-то, второпях, зацепил взрыватель.¹⁰

«ГОСТИ С ПОДАРКАМИ»

Бойтесь данайцев, дары приносящих.
*Вергилий*¹¹

В конце марта 1943 г. на грузовике, в кузове которого находились две женщины и коробки с коньяком, сахаром и сигаретами, в отряд прибыли (в сопровождении бригадных разведчиков – они стояли на подножках и сидели в кузове) два пожилых немецких офицера.

Офицеры заявили: мы – антифашисты-тельмановцы! Мы наконец-то подловили удобный момент для перехода к партизанам (вот только шофер-солдат не знал о нашем намерении)...

Командование отряда приняло гостей по-дружески. Лишь контрразведчик Виноградов «ушёл в тень», отстранился, размышлял.

Поселили немцев в землянке. Разрешили ходить по лагерю. Впрочем, пусть расскажет тот, кто сам это видел, – Александр Адамович.

«Лысоватые немцы ходят по лагерю, присматриваются, тихо переговариваются. Кажется, что они ищут и не находят что-то. Может быть, ту таинственную партизанскую силу, которую так хорошо ощущали издали, живя в городе?... Землянки? Здорово же сделано: окошко, дверь, нары, столик. Но немцы будто критику навели на партизанскую работу: застлали коврами отведенный им угол, к потолку прибили ковёр, чтобы песок не сыпался в глаза. А штаб, а баня? Разве не здорово? Настоящие, из деревни привезенные дома полицаяев. Возле бани немцы задержались, зашли внутрь, послушали, как гремит, стреляет железный

¹⁰ Этот случай знаковый для меня, автора. Возглавить эту группу подрывников должен был мой отец, Иосиф Тасминский. Однако к командиру взвода Щербичу обратился боец Николай Яльчик: «Товарищ командир, очень прошу отправить меня на это задание. Скоро у меня день рождения, и я хочу сделать себе подарок». Щербич уважил просьбу Яльчика, опытного подрывника и любимца отряда – включил его в состав группы вместо Иосифа Игнатьевича. Трагедия произошла вблизи станции Мирадино. Тела Суховеркова и Яльчика были найдены местными жителями и погребены в Мирадино. – **А.Т.**

¹¹ По преданию, данайцы, древнейшее греческое племя, сняв осаду Трои, оставили у стен города деревянного коня, внутри которого скрывались вооруженные воины. Выражение «дары данайцев» означает дары, гибельные для тех, кто их получает.

котел. Постояли и возле оружейной мастерской. Кувалда, тиски, дубовая колода... Подержали, повертели в руках самодельный автомат... Сказали вежливое «зут» и пошли дальше. Нет, никто за ними особенно не ходит: много чести! Но все знают, как вели себя немцы возле «снарядной кухни». Уже с издевкой рассказывают, как шахрахнулись они от этой чертовой кухни, когда раскумекали, что наклонно подвешенный над огоньком снаряд — настоящий, а железная струйка — плавящийся тол. Помаячили возле строящейся мельницы... Но немцев больше всего поразила, кажется, «мастерская» Молоковича. Этот хозяйственный парень, как обычно, занят тем, что в двух немецких касках плавит алюминий, содранный с немецкого самолета, битого «швабковцами». Тут же валяются отлитые, но еще не обструганные ложки. Постояли немцы возле Молоковича — получили каждый по ложке.

Жаль, что танкетки в лагере нет: соседям одолжили.

Чем больше ходили по лагерю пожилые немцы, тем с большей отчужденностью партизаны смотрели на них. Злило, что тебе словно и небезразлично: а что они думают о партизанах, когда увидели их вблизи?.. Раздражало, что ради этих двух подчеркнуто вежливых надо что-то ворошить в душе, менять что-то. Менять снова на довоенное, на то, от чего нелегко отказывались, от чего с такой горькой обидой и злостью вроде и отказались.

Назлю всякой логике, как бы вызов бросая в отместку кому-то, хлопцы почти подружались с молодым немецким шофером. С тем, который не сам пришел. Тут, по крайней мере, все понятно, привычно. Пожилые немцы, почувствовав себя под защитой какой-то высшей политики, кажется, мало озабочены тем, как смотрят на них, что думают о них. Этот же молодой то блеет, то краснеет, с надеждой или страхом глядит в каждое лицо, в глаза каждому. И пока не решено, как поступить с ним, именно немцу-шоферу отдают всё, что, казалось бы, по праву принадлежит тем, которые сами пришли. Играют с ним в карты, пытаются разговоривать. Зарубин¹² толкнул его на нары, а тот, несмело, Зарубина. Все, довольные, захохотали и тут же помогли немцу положить «моряка». Не скажешь, что лица у хлопцев особенно ласковые, дружелюбные. Но время от времени найдет что-то на всех: будто забудут люди или вспомнят забытое — и вот дурачатся с молодым парнем, которого, ненавидя, могли убить вчера и, возможно, убьют завтра».

¹² Под Зарубиним у Адамовича выведен Фёдор Злобин, он погиб вскоре после этой «встречи».

Виноградов, пока немцы «осваивались», напряженно размышлял. Наконец, стал действовать! Поручил Марии Масюк и Марии Болбас тщательно обыскать женщин-гостей. И в укромных женских местах был обнаружен спрятанный яд.

Немца-водителя, с которым так разыгрались партизаны, было приказано расстрелять. Исполнил Федор Савончик. А офицеров доставили в «отряд Игоря» – спецотряд НКВД, что находился неподалеку, – там была группа немцев-коммунистов. И вскоре в отряде узнали: «гости с подарками» намеревались ядом вывести из строя командование отряда, и вся эта операция была задумана в стенах бобруйского гестапо.

ЦЕНА ТИШИНЫ

А вот об этом ветераны-партизаны рассказывали, снизив голос.

В августе 1942 г., зажатый на сухом островке в болоте, отряд имел единственный шанс на спасение – глубокой ночью пройти по невидимой гати цепочкой по одному так, чтобы ни единого шороха немцы не услышали.

Оставив свой обоз на болотном островке, отряд идет за проводником. Идут, как детсадовцы, держась друг за дружку. Вот молодая женщина с младенцем на руках. Впереди неё идет её муж. И вдруг мать чувствует, что ребенок вот-вот закричит. «Только не сейчас! Только не сейчас!» Мать из всех сил прижимает ребенка к груди: может, почувствовав запах материнского молока, тот успокоится. «А что если закричит?! Тогда гибель всего отряда неминуема! Нет, нет, этого не должно случиться».

Мать всё сильнее прижимает ребенка к груди: «Еще немного, еще чуть-чуть...» И так проходит минут десять. Ребенок не заплакал. Отряд уже за вражеским кольцом. Но останавливаться ещё нельзя. Надо как можно дальше отойти...

Отошли, и командир дал команду: «Всё! Отдыхаем!»

Мать вдруг почувствовала: ребенок не дышит.

Ребенок был мертв.

Когда на одной из послевоенных встреч впервые появился отец того ребенка, ветераны-партизаны встали перед ним на колени, склонили головы...

ИРОНИЯ ЖИЗНИ

В том-то вся ирония жизни,
что главное дело человечества
совершается втайне, игнорируется
как что-то постыдное и неприличное,
между тем как в действительности
оно властвует над всеми и насмехается
над попыткой укротить его.
А. Шопенгауэр

Командиру отряда им. Кирова т. Шпрыгову
Комиссару отряда т. Тасминскому

Приказание

Несмотря на решения 5-го пленума ЦК КП(б) Белоруссии о неправильном взаимоотношении с женщинами-партизанками, находящимися в отрядах, многие командиры-коммунисты допускают это сожительство, используя своё служебное положение. Несмотря на то, что такие коммунисты-командиры были предупреждены партийными собраниями, они продолжают сожительство, как, например, коммунист Дроздов, Королёв, Попов и другие.

Приказываю:

Прекратить сожительство с женщинами всем коммунистам-командирам. И впредь не допускать нарушения решения высшего органа нашей партии – Ленина-Сталина. Лица, допускающие эти нарушения, нарушают решения вышестоящих директив партии и не могут нести высокое звание коммуниста.

Командиру и комиссару перевести в боевые взводы женщин, которые имеют сожительство с коммунистами.

Перевести на казарменное положение всех женщин на правах рядовых бойцов-партизан. С тем, чтобы они постоянно находились в своих подразделениях и без разрешения командира отделения никогда не отлучались.

Комиссару отряда в соответствии с этим приказанием провести политико-воспитательную работу среди женщин, предупредив, что, при допущении сожительства их с партизанами, к ним будут применяться меры, вплоть до исключения из отряда.

Комиссар 37-й партизанской бригады им. Пархоменко
(подпись) **Храпко** 9.6.44. Домановичи¹³

¹³ НАРБ, ф.1405, оп.1, л.275, л.38.

Насколько мне известно, «приказание» так и не было доведено до рядовых партизан (и партизанок) отряда имени Кирова. И знаю почему. Потому что комиссаром отряда был мой отец – Тасминский Иосиф Игнатьевич. Он – глупостей не мог терпеть.

Раз такой документ появился, значит, наболело, и когда-то надо было определиться... Определелись – и на пленуме ЦК решили... Не просто сидел комиссар бригады Храпко и думал, о чем же еще написать приказ, а было жесткое указание сверху. Через двадцать дней война для многих их «героев» приказа закончится. И женщины – и те и эти – разойдутся по домам.

А что говорят «очевидцы» тех событий?

Вот что написала мне бывшая партизанка-комсомолка, а ныне ветеран-партизан:

ран-партизан:

«Жена одного погибшего партизана не приняла ухаживаний С., и, я сама видела, как С. с пистолетом в руке выгонял её из отряда, требовал от повара: не давать ей никакого продовольствия. Женщина вынуждена была уйти в другую бригаду... И тот же С. хотел застрелить партизана М., которого застал у дивчины, к которой и сам забегал. Но М. первым выстрелил и ранил С. в руку. Комбриг Львов, узнав о ЧП, хотел тут же расстрелять М., но за того вступился комиссар бригады Храпко. Через несколько дней С. отправили за линию фронта как раненого в бою».

Через много лет после окончания войны, Мария Фёдоровна Болбас, бывшая отважная подпольщица и партизанка, в письме к Дорогавцеву рассказывает о недавно прошедшей встрече ветеранов-партизан:

«А женщин-партизанок?! Батюшки! К кому ездили самогонку пить, у всех «животы», простите, у этих женщин в медалях, а теперь и ордена получили. Помните, С. ездил в Гороховку, и теперь его «любовь» на встречах вся в наградах. П. ездил в Устерхи, там у него голубоглазая была, ещё у нее трое детей было, так ей тоже орден вручили. А. ездил к одной, – она теперь тоже «партизанка». У П. в лагере семейном зазноба жила, к ней еще разведчик О. ездил, – тоже вся в наградах... Когда они, эти, простите, бабы, у которых все животы в медалях, выстроились в первой шеренге, я спросила их, но так, что-

*бы наши бывшие командиры, стоявшие рядом, слышали (спросила то, о чем подумала тогда): «Девки, и где это вы столько наград заработали? В каких боях?» Что тут после этого было!»*¹⁴

Едва ли нам удастся представить, *что там было.*

Да и не надо представлять: жизнь есть жизнь, и ничто человеческое не было чуждо моим героям!

Один ветеран-партизан, просмотревший этот рассказ в рукописи, рассмеялся: «*А судьи – кто?!*»

ОСОБЫЙ РАЗГОВОР

В 2004 году, год спустя, после того как не стало моего отца, Тасминского Иосифа Игнатьевича (1912-2003), приехал его бывший боец-партизан Федор Дмитриевич Савончик, старик 82-х лет. Навестить могилу своего бывшего командира взвода, а затем комиссара.

– Считаю, что мне и моим товарищам очень повезло на командира отряда и командира взвода, Шербича и Тасминского, – смахнув набежавшую слезу, стал рассказывать старик. – Это были очень простые и тактичные люди. И главное, они берегли нас, молодёжь, – зря под пули не подставляли!

– Как мой отец разговаривал с вами, молодыми партизанами? – спросил я ветерана, ибо сам замечал за отцом необычную для повседневной жизни манеру общения с людьми. – Как командир, начальник?

Ветеран замолк в некоем раздумьи, или подбирая слова...

– *Он... нам говорил... как женщинам.*

– Как так?! – удивился я. – Что вы имеете в виду?

– Обращался с нами вежливо, душевно и разъяснительно. Объяснял, что надо делать и почему так. Опираясь на нашу сознательность. Ни единого резкого, грубого слова, ни, тем более, мата от него никто и никогда не слышал. Что-то материнское было в таком обращении.

– Ну, а *по-отечески* ему доводилось обращаться с вами?

– По-отечески? – переспросил ветеран. – В нём сочетались высокий военный, командирский, профессионализм и *отеческое* стремление сберечь каждого бойца.

– Командир и отец – в одном лице?

¹⁴ Полные имена «действующих лиц» по этическим соображениям здесь не приводятся. – **А.Т.**

– Да, как командир и отец, именно так! Как командир он умел предвидеть неожиданности и готовил нас к ним. Перед выходом на боевое задание он скрупулезно продумывал все возможные варианты развития событий, и обсуждал с нами наши действия при этом. Так только может отец отправлять сына. Не было в нем ничего заносчивого. И нам, молодым, очень не хотелось подвести его... Таким же обаятельным был и Щербич – наш командир отряда. Какое счастливое сочетание! Нам очень повезло на командиров.

И тут я сам вспоминаю недавний рассказ Валентина Константиновича Филипчика, теперь ветерана-партизана, а тогда «партизанского орлёнка».

...Построение взвода – предстоит боевая операция. Командир взвода Тасминский предлагает добровольцам выйти из строя. И всякий раз в таких случаях первым прямо-таки выскакивал вперёд пятнадцатилетний Валентин Филипчик. Рвётся парнишка мстить за погибших отца и брата. Тасминский возвращает паренька обратно в строй. И так неоднократно...

Наконец, Валентин вздумал пожаловаться на командира взвода Щербичу, командиру отряда (им. Фурманова). А тот ему:

– Валентин, ну, как мы с твоим командиром взвода будем смотреть в глаза твоей матери, если с тобой что-нибудь случится?

В общем, берегли командиры паренька. Порой приходилось брать его на серьезные и опасные операции, и Валентин мстил за отца и брата. Но всякий раз вблизи был кто-то из старших, опытных...

– Я благодарен судьбе за то, что в тяжелые годы войны рядом со мной находились Щербич Василий Антонович и Тасминский Иосиф Игнатьевич. Быть может, и жить я остался благодаря этим замечательным людям! – говорил горячо 80-летний Валентин Константинович.

Работая над этой главой, я рассказал о «говорил нам как женщинам...» своему товарищу, философу и писателю, Александру Абелеву. Тот живо отреагировал:

– Это, конечно, прекрасно характеризует вашего отца, а ещё – какое-то очень живое наблюдение! Представляю себе картинку: его подчиненные обсуждают странное и приятное поведение командира – ну на что же это похоже? – и вдруг догадываются: а, это так с женщинами говорят!..

Спустя минуту, товарищ решил продолжить тему. Но уже на современном материале.

– Когда я был, после института, на сборах, лейтенантик тамошний, ещё моложе нас – построит нас, и орет во все горло: «р-р-рас- ... – дзя!!!». А офицеры, наши же институтские преподаватели, показывают на занятиях технику, и объясняют принцип действия: вот здесь у неё (машины) то, здесь то, здесь нажал, там закрутилось – и «по...дюхала!» В общем, разговаривали как с мужчинами... Да и ныне, в моем городке и женщины, почему-то, уже так не говорят. Идут девицы, мирно беседуют, голоса колокольчиками, и такое наворачивают! Раньше бы пьяный водопроводчик покраснелся.

О ЯРОСТИ «БЛАГОРОДНОЙ» И «НЕБЛАГОРОДНОЙ»

Фронтовики, воины Красной Армии, освободив «населённый пункт», проходили по нему победителями. Конечно, при виде того, что натворили фашисты, у бойцов сжимались сердца. «Мера мести определяется только чувством мстителя». Между солдатами враждующих сторон нет, и не может быть личных отношений. И потому бойцы мстят врагу безотносительно личности, не персонифицируя... Ненависть, возникающую при этом, стали называть «яростью благородной». Она, эта «ярость благородная», делала человека сильнее, беспощаднее, бесстрашнее, и побуждала иногда жертвовать даже собственной жизнью.

Но! Всё-таки, в этом случае «населённый пункт», «жертва», «мирное население» – совсем не то, что *мой дом, мой родной ребенок, мой отец и моя мать, мой дедушка и моя бабушка, мой школьный учитель, мой друг, мои односельчане* для партизана. Большинство партизан, в отличие от фронтовиков, воевали вблизи своих родных очагов и, войдя в сожжённую врагом деревню, часто вытаскивали из пожарниц тела *своих* детей, отцов и матерей, дедушек и бабушек, учителей, друзей. В *своей* ненависти к врагу они были на высшем уровне мотивации, каковым является *личностный смысл*.

*

Таковой была та, партизанская, действительность.

Мои герои были порой жестокими, порой «разводили любовь» в то время, когда от них требовалось все свои силы направить на уничтожение врага, порой следили друг за дру-

гом, доносили, а затем, поверив, могли положить жизни «за други своя». Предлагаю читателям полюбить их такими, какими они были – и беленькими, и чёрненькими. Даже у Солнца пятна есть, а чего уж там говорить – о людях! Будем делать поправки «на ветер» и оценивать не по тому, что не дали, не смогли дать они нам, а по тому, **что дали**. А дали – мир! Спасли самоё Жизнь.

